

socialis и animal rationale, homo ludens и homo faber, отражающими соответствующие смыслы истории культуры прошлого, может стать важнейшим концептом понимания современности» [2, с. 244]. С этим связана ещё одна характеристика – «дефицит времени». Современный человек находится в таком состоянии, которое мы обозначили бы как «состояние дефицита» (в смысле – нехватки чего-то), поэтому индивид вынужден постоянно гнаться за «этим» (например, информацией) или торопиться из-за недостатка «этого» (например, времени), ибо завтра будет уже поздно. Общую картину дополняют увеличивающиеся едва ли не в геометрической прогрессии потребности: «"Я покупаю, значит, я существую" – кредо постчеловека ситуации–после. Человек получает от процесса социализации уже не ответственность, а выгоду и наслаждение "здесь и сейчас". Каждый завтрашний день может быть рассмотрен как последний, но это обостряет наслаждение от сегодняшнего. Сегодня ценится то, что адекватно "сегодня"» [1].

Таким образом, понятие «постчеловек» (предложенное в виде концепта для «классической» философской антропологии), на наш взгляд, является наиболее адекватным реалиям современности в силу своей «рафинированности», то есть очищенности от многочисленных смысловых наслоений предыдущих учений с сохранением необходимого, инвариантного и универсального. Данный концепт имеет эвристическую ценность, поскольку несёт некий смысловой «запас», дающий возможность исследователю «включить» то новое, что является необходимым для конституирования антропологического дискурса, и, следовательно, его употребление помогает, по нашему мнению, выработать продуктивный подход к проблеме человека.

Источники и литература

1. Demidov Michael. Постчеловеческое, слишком постчеловеческое Или Почему Я пишу такие Книги. http://83.222.6.39/d/demidov_m/.
2. Душин О.Э. Homo sapiens как modus vivendi в культуре постмодерна // Человек постсоветского пространства: Сб. мат. конф. Вып. 3 / Под ред. В.В. Парцвания. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2005. – С. 237–244.
3. Жижек С. Никакого пола, пожалуйста, мы – пост–люди! <http://anthropology.ru/ru/texts/index.html>
4. Лазарев. Ф.В. Антропологический манифест. – Симферополь, 2005. – 22 с.
5. Марков Б.В. Философская антропология: очерки истории и теории. – СПб.: Лань, 1997. – 382 с.
6. Рикман Х.П. Возможна ли философская антропология // Это человек: Антология / Сост., вступ. ст. П.С. Гуревича. – М.: Высш. шк., 1995. – С. 54–75.

Микитинец О.И.

О СТАТУСЕ КОНЦЕПТА ХРОНОТОПА В ТЕКСТОВОМ АНАЛИЗЕ

Актуальность заявленной темы многоаспектна.

Во-первых, она продиктована общетеоретическими проблемами самой философии. Постмодернистская парадигма подхода к тексту предполагает абсолютную непредзаданность дальнейших интерпретаций. Текст сам оказывается изначально онтологически исключенным из пространственно-временных отношений, хотя на самом деле мы понимаем, что это не так. Текст создается конкретным человеком, наполняется жизненным миром самого человека, истории, конкретной эпохи; текст все же изначально нагружен пространственно-временными характеристиками. Возникает вопрос: как это сохранить с учетом возможной свободы интерпретаций? Понятие "хронотоп" позволяет избежать так называемой "смерти автора". Таким образом, мы можем частично оставить изначальную онтологию текста. Никогда в последующем эта онтология не может быть полностью воспроизведена, но потенциально она должна содержаться в тексте интерпретатора. В противном случае исчезает автор и, следовательно, сам текст.

Во-вторых, как нам кажется, решение данной проблемы позволяет более адекватно интерпретировать тексты и события, что немаловажно при тенденции современного общества к "возврату к истокам".

Цель данной публикации состоит в том, чтобы выявить содержание понятия "хронотоп" как онтологической доминанты текста. *Объект* рассмотрения данной статьи – текст, *предмет* – хронотопные характеристики текста.

Проблема определения пространства и времени существовала в философии начиная с античности, однако понятие, которое описывало бы их единство, появилось сравнительно недавно. Термин "хронотоп" – дословно, "время–пространство", впервые был использован в психологии А. А. Ухтомским, а широкое распространение собственно в философии (в литературоведении, а затем в эстетике) получил благодаря трудам Бахтина. Так, по словам философа, "Процесс освоения в литературе реального исторического времени и пространства и реального исторического человека, раскрывающегося в них, протекал осложненно и прерывисто. Осваивались отдельные стороны времени и пространства, доступные на данной исторической стадии развития человечества, вырабатывались и соответствующие жанровые методы отражения и художественной обработки освоенных сторон реальности" [1, с. 121]. Для того чтобы объединить время и пространство, показать их взаимосвязь в тексте, наиболее подходит термин хронотоп. По словам Бахтина, это понятие употребляется в математике, оно было введено на основе теории относительности. Смысл естественнонаучного хронотопа был практически полностью изменен Бахтиным, осталось только "выражение в нем неразрывности пространства и времени (время как четвертое измерение пространства)".

Вообще появление такого понятия, как хронотоп, стало необходимым после естественнонаучных открытий начала XX века. Картина мира изменилась кардинально. Пространство и время мыслятся как "взаимосвязанные координаты единого четырехмерного континуума, содержательно зависимые от описываемой ими ре-

альности". Пространство становится четырехмерным, включающим в себя время, как четвертое измерение.

Исследованиями данного понятия в психологии, как уже отмечалось, занимался А. А. Ухтомский. Время его исследования выступало "как действующее лицо". По словам исследователя, "пространство в отдельности, как и время в отдельности, являются лишь "тенью реальности", тогда как реальные события протекают безраздельно в пространстве и времени, в хронотопе"[3, с. 269]. Хронотоп сознательной и бессознательной жизни соединяет в себе все три цвета времени: прошлое, настоящее, будущее, разворачивающиеся в реальном или виртуальном пространстве. Здесь улавливается связь с концепцией времени Августина, который первый дает его психологическую трактовку. Это не случайно, так как с христианством в философию приходит древнееврейское восприятие мира. Об этом говорил П. П. Гайденко: "Уже ветхозаветное мировосприятие отличается от древнегреческого характером переживания времени: для него мир – не столько "космос", сколько "олам". А первоначальное значение древнееврейского слова "олам" – век, т.е. свершение событий, история". Первая книга Библии "Бытие" начинается с определения времени: "В начале сотворил Бог небо и землю" (Быт., 1, 1) и "время воспринимается как та реальность, в которой разворачивается историческая драма – от сотворения мира и грехопадения первого человека к его последней цели – спасению и воссоединению с Богом" [2].

Августин также впервые развернуто дал анализ времени в связи с жизнью индивидуальной души. Психология у него отчасти встает на место онтологии, оказываясь фундаментом всех других областей знания. Условием существования времени является структура души, в которой соединяются в нечто непрерывное различные измерения времени. Только в душе, говорит Августин, "есть все три времени": прошлое, настоящее и будущее. В современной теории текста временное поле героя – это именно проблема внутреннего человека, т. е. души. Важно учесть, что для Августина – "символиста наоборот", подлинной реальностью обладает именно душа, а телесный мир есть лишь символ души.

М. М. Бахтин перенес концепт хронотопа в область анализа собственно текста. "В литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп" [1, с. 122]. В литературе хронотоп имеет жанровое значение, а именно, жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом, причем в литературе ведущим началом в хронотопе является время (в отличие от естественнонаучного хронотопа, где ведущим является пространство). Хронотоп определяет, по словам М. М. Бахтина, и образ человека в литературе.

Работая над изучением форм времени и пространства в искусстве и литературе, М. М. Бахтин выделил несколько основных жанровых разновидностей европейского романа. Это так называемый "греческий роман", рыцарский роман, раблезианский хронотоп, идиллический хронотоп. Описывать каждый хронотоп в рамках данной работы не представляется возможным, поэтому мы остановим наше внимание на некоторых существенных характеристиках. Хронотоп определяет художественное единство произведения в его отношении к реальной действительности, и поэтому всегда эмоционально-ценностно окрашен. Мы приведем в качестве примера несколько хронотопических ценностей разных степеней и объемов.

Первый из наиболее "крупных" хронотопов с высокой степенью эмоционально-ценностной интенсивности – хронотоп встречи. Связанных с ним хронотопов достаточно много – это и "дорога", и "жизненный путь", и "исторический путь", и прочие. Из исследований М. М. Бахтина мы видим, что "метафоризация дороги разнообразна и многопланова, но основной стержень – *течение времени*" (выделено мной – О. М.) [1, с. 276]. Еще одна существенная черта "дороги", общая практически для всех типов романа, – "дорога проходит по своей родной стране, а не в экзотическом чужом мире" [1, с. 278]. Назовем еще такой, проникнутый высокой эмоционально-ценностной интенсивностью, хронотоп, как "порог"; его отличительная черта – это "хронотоп кризиса и жизненного перелома". Он ассоциируется с "меняющим жизнь решением (или нерешительности, боязни переступить порог)" и почти всегда метафоричен. Существует также множество иных хронотопов, например, хронотопы улицы и площади у Ф. М. Достоевского, биографическое время у Л. Н. Толстого, хронотоп природы, семейно-идиллический хронотоп и даже хронотоп трудовой идиллии. Так в чем же значение всех выделенных М. М. Бахтиным хронотопов? По словам исследователя, "они являются организационными центрами основных сюжетных событий романа. В хронотопе завязываются и развязываются сюжетные узлы. Можно прямо сказать, что им принадлежит основное сюжетнообразующее значение". То есть хронотоп является **основой** и **осью текста**. События в хронотопе конкретизируются, становятся образом, хронотоп является своеобразной почвой для показа событий в тексте. Это происходит благодаря конкретизации времени человеческой жизни и исторического времени в пространстве. "Таким образом, хронотоп как преимушественная материализация времени в пространстве является центром изобразительной конкретизации, воплощения для всего романа"[1, с. 286]. Михаил Бахтин выделяет еще два типа хронотопа, которые, на наш взгляд, являются ключевыми для текстового анализа – это **хронотоп автора и слушателя-читателя**. Они даны в "материальном существовании произведения" и в его внешней композиции. Текст всегда является знакомым и значащим. Когда мы подходим к изучению произведения, то не можем отбросить тот факт, что оно занимает какое-то определенное и конкретное место в пространстве и времени. Ни один текст как таковой не является мертвым, несмотря на то, что он всегда закреплен на мертвых носителях (папирус, книга, рукопись): "от любого текста, иногда пройдя через длинный ряд посредствующих звеньев, мы в конечном счете всегда придем к человеческому голосу, так сказать, упрямся в человека"[1, с. 288]. По словам М. М. Бахтина, если мы подходим к книгам и рукописям как к носителям текста, то они входят в область культуры, а значит, "в том

совершенно реальном времени-пространстве, где звучит произведение, где находится рукопись или книга, находится и реальный человек, создавший звучащую речь, рукопись или книгу, находятся и реальные люди, слушающие и читающие текст" [1, с. 289]. Если вернуться к хронотопу автора и слушателя, то они (автор и читатель), зачастую находятся в разных временах-пространствах с точки зрения истории, но в одном реальном историческом мире, который отделен от мира, изображенного в тексте. Этот реальный исторический мир **создает** текст, то есть текст создается и действительностью, и авторами, и исполнителями текста (например, кинотекст), и читателями, которые воссоздают текст при чтении, наполняя его новым смыслом. Из реальных хронотопов **этого** изображающего мира и получаются созданные хронотопы изображенного в тексте мира. Но между реальным миром и миром, изображенным в произведении, проходит принципиальная граница. Мы не можем смешивать изображенный мир с изображающим миром, автора-творца с автором-человеком, равно как и слушателя-читателя, воссоздающего текст, с пассивным читателем своей эпохи. При анализе текста все это абсолютно недопустимо. Но абсолютно разделить мир реальный и мир текста также невозможно. Изображенный в тексте мир является частью реальности и обогащает ее, также и реальный мир входит в произведение и в изображенный в нем мир "как в процессе его создания, так и в процессе его последующей жизни в постоянном обновлении произведения в творческом восприятии слушателей-читателей". Этот процесс сам совершается, прежде всего, в исторически развивающемся социальном мире и историческом пространстве.

В результате мы приходим к следующим **выводам**:

1. Особенностью подхода Бахтина является то, что к онтологии мы приходим через понятие "жанр". Как уже было сказано выше, в литературе хронотоп имеет жанровое значение, а именно, жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом. Изначально жанр являлся определенной формой художественного отражения реального хронотопа, а следовательно, жанр изначально онтологичен. М. М. Бахтин подразумевал под хронотопом формально-содержательную категорию, не касаясь хронотопа в других сферах культуры. При этом М. Бахтин специально указывает, что в своем исследовании пространственно-временных характеристик текста он отвлекается от внелитературных форм реализаций социального и личного опыта автора-творца и слушателя-читателя [см. 1, с. 288, 289]. Тем не менее, хронотопная модель текста оказалась достаточно эффективной и эвристичной в плане дифференцированного подхода к философским обобщениям.

2. Особенность текстового хронотопа составляет следующее обстоятельство. В естествознании пространство неотделимо от времени – время – четвертое измерение пространства. В тексте же существует возможность реализации онтологических моделей с той или иной (пространственной или временной) доминантой. Так, Бахтин говорит о хронотопе с временной доминантой – "когда-текст" (биография); и о хронотопе с пространственной доминантой – "где-текст" (пример М. Бахтина: дорога, путь, замок; репрезентативен также в этом отношении образ думающего пространства Океана в "Солярисе" Стругацких). Обнаруживаются также хронотопы с относительным пространственно-временным равновесием (например, хронотоп романа Рабле).

3. При написании, чтении, анализе текста концепт хронотопа становится онтологической **осью текста**. Автор, как и читатель, наделяет текст пространством и временем. Хронотоп – это осмысленное пространство и время. Т.е. функция хронотопа состоит в выражении смысла; причем, собственными хронотопами и раскрываемыми ими смыслами обладают и автор, и само произведение, живущее в том числе и после автора, и его читатель. В хронотопе текст начинает бытийствовать, приобретает данность для читателя и автора. Текст, создавая реальность, некое бытие, сам наполняется этой реальностью и приобретает статус бытия, т. е. чего-то такого, что есть. Хронотоп – это средоточие бытийственности текста. Тогда текст выступает как нечто такое, что осмысливает мир в пространственно-временной целостности.

Источники и литература

1. Бахтин. М.М. Формы времени и хронотопа в романе.// Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. – М.: Худож. лит., 1986. – С. 121–290.
2. Историко-философский ежегодник'98. – М.: Наука, 2000. // ihtik.lib.ru, ihtik@ufacom.ru.
3. Ухтомский А.А. Избранные труды. – Л., 1978. –313 с.